

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: ОПЫТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

В статье рассматриваются различные формы адаптации соцреализма в украинском литературоведении, определяется его статус и характерные пути проблематизации. Обосновывается гипотеза о том, что превращение соцреализма в игру значений, пустых означающих, ведет к расширению контекстов для литературоведческой интерпретации и снимает саму проблему идеологического восприятия соцреализма, а следовательно «безболезненного» его включения в контекст исторического развития украинской литературы.

Ключевые слова: соцреализм, адаптация, функция.

The article reviews various forms of adaptation of socialist realism in Ukrainian literary criticism, his status is determined and the characteristic way of problematization. Substantiates the hypothesis that the transformation of social realism to the game values, empty signifiers, leading to expansion of the contexts for literary interpretation, and removes the very problem of the ideological perception of social realism, and thus “smooth” its inclusion in the context of the historical development of Ukrainian literature.

Key words: social realism, adaptation, function.

У статті розглядаються різні форми адаптації соцреалізму в українському літературознавстві, визначається його статус і характерні шляхи проблематизації. Обґрунтовується гіпотеза про те, що перетворення соцреалізму на гру значень, порожніх означаючих, призводить до розширення контекстів для літературознавчої інтерпретації і знімає саму проблему ідеологічного сприйняття соцреалізму, а відповідно «безболісного» його включення в контекст історичного розвитку української літератури.

Ключові слова: соцреалізм, адаптація, функція.

Вопрос о теоретическом статусе социалистического реализма в украинском литературоведении остается открытым. Само время его существования, а также многочисленные культурологические аллюзии, все более определяющие место соцреализма в литературном процессе XX века, требуют его неременной включенности как объекта в современную литературоведческую рефлексию.

Несмотря на это в украинском литературоведении продолжает доминировать восприятие соцреализма как внешнего, чужеродного. Все чаще

в работах литературоведов встречается понятие «советский», вместо традиционного в советские времена – «радянський». Такое отмежевание имеет свою основу в тенденции к определению национальных идентификационных рамок и верификации того или иного стиля по критериям национальной культуры. В то же время попытки обосновать наличие национального варианта социалистического реализма не обладают достаточной аргументацией в силу того, что эта тема только начинает заявлять о себе и свидетельствует как об определенном повороте в установках, так и о легитимизации исследований о соцреализме.

В целом подходы к соцреализму остаются в рамках аксиологической, преимущественно идеологической, исследовательской установки, две стратегии которой доминируют в современном подходе к этому направлению: отбрасывание и принятие.

Отбрасывание основывается на мнении о том, что соцреализм был навязан коммунистическим режимом Советского Союза. Именно в этом подходе доминирует понятие «советский». Его происхождение характерно для западноукраинских регионов и, несмотря на интеграционные процессы, ведет к неприятию украинской литературы советской эпохи, а в последнее время закрепляется на уровне общелитературоведческой дефиниции.

Неприятие базируется на нескольких аргументах:

- а) чуждости советской идеологии,
- б) ее художественной искусственности,
- в) тем, что этот стиль навязан властью,
- г) этическом неприятии советского как тоталитарного,
- д) изживании в себе соцреализма.

В то же время главное, что заставляет исследователей говорить о необходимости исследований соцреализма – это отсутствие ревизирующего мышления, или ностальгия, которой свойственна реконструктивная функция с сильным моделирующим эффектом. Таким образом, две главные причины принятия соцреализма это:

- а) ностальгия по целостности,
- б) принятие стилевой органичности советской культуры –

обе эти исследовательские установки имеют сильные идеологические обоснования и традицию противостояния, наверное, начиная с самого дня создания соцреалистического стиля. Вначале процесс этот происходил между литературоведами советской Украины и диаспоры, теперь он разворачивается в самой Украине.

Наиболее воинствующими и нетерпимыми к соцреализму оказались литературоведы неонароднической формации, которые вроде бы и призывают к эстетизации критериев восприятия искусства, но на самом деле ищут в нем позитивистский принцип «объективного историзма» и суровую нормативность скрываемую под брендом «истинного искусства». Поэтому соцреализм характеризуется ими как «искусственное, декретированное компартией направление, которое напоминает художественно-политического кентавра» [Ковалів, 2009: 41].

Одной из причин такого подхода является в чем-то психопатический комплекс «изживания в себе соцреализма». Многие литературоведы старшего поколения, переиздавая свои книги, изрядно их правят, меняя акценты иногда на прямо противоположные, пытаясь объяснить свою предыдущую позицию неискренностью и необходимостью маскировки. Соцреализм они пытаются либо запретить полностью, либо отстраниться от него, отказывая стилю в художественной ценности.

Однако не так просто опровергнуть то или иное явление культуры, даже если оно кажется абсолютно искусственным. Культуре, как известно, свойственна адаптационная функция, базированная на интенциональной рефлексии. Культура гармонизирует, упорядочивает наиболее разрозненные факты человеческой эстетической действительности. Это делает сам человек, постоянно ища себя, занимаясь переконструированием в процессе самоидентификации.

Валентина Хархун, размышляя о современном «украинском идентификационном проекте», ориентирует науку и искусство на «принцип самоидентификации, определяющийся кодом отрицания – “не-советскости”». Именно дистанцирование от советского как «другого», на ее взгляд, «открывает новые перспективы для социокультурного координирования украинского человека». Но этот же процесс ведет и к адаптации как своеобразному инверсионному приему моделирования прошлого – «преодоление травматического синдрома благодаря рецепции советского, конструирование корректной политики памяти, вербализация и визуализация процесса отстранения от коммунизма» [Хархун, 2010: 121–122]. Поиск новых имагологических схем, новой предметности ведет к игре означающих, искоренению привязки к смыслу, его редукции и конструированию нового смысла. Процесс адаптации и «выравнивания» соцреалистической модели в современных исследованиях ведет к рассмотрению соцреализма в модернистской, авангардной, постмодернистской парадигме или в прямом ассоциировании его с массовой культурой.

В современном украинском литературоведении все чаще происходит переосмысление соцреализма с позиций абстрактного эстетизма, в котором нивелируется антропологическое содержание. Но вопрос остается открытым:

если принять соцреализм то – на каких основаниях? в каких отношениях? в каком статусе?

Соцреализм остается символом рационального, но доведенного до пика иррациональности искусства, в которое верили его создатели. Ведь Первый съезд советских писателей считал своей главной миссией миссию демиургического просветительства, противопоставление космоса хаосу. Читая страницы стенограммы съезда, очень естественно воспринимаешь пафос, царящий на этом мероприятии. Это уже не просто вера в пролетариат, это вера в миссию социализма, человека нового типа, глобализованного, если хотите. Это – возродившаяся вера в мировую революцию, проглядывающая сквозь нарратив.

Главные эпистимологические установки, которыми должен был руководствоваться соцреализм, – изменить мир, хаосу противопоставить порядок, нарративно преодолеть ущербность реальности – базировались на самом деле на прагматике: создании универсального идеологического языка, моделировании воображаемой реальности с обязательной реализацией в будущем.

В свете этого перед современными украинскими исследователями возникают, на наш взгляд, несколько основных проблем:

а) *эстетическая проблема*. Можно ли рассматривать соцреализм как эстетическое направление? Ведь он встроен в систему государственного идеологического механизма и скорее технологичен?

б) *методологическая проблема*: Отказ от критерия идеологичности ставит под удар не только признание ценности соцреалистической литературы, но и националистической. К тому же литература соцреализма – это:

1. целый массив художественной литературы, написанной на украинском языке;
2. художественная литература, имеющая и разрабатывающая украинскую тематику;
3. корпус текстов, которые вошли в национальный литературный канон (Олесь Гончар, Павло Загребельний и др.);
4. литература, имеющая национальное самосознание;
5. литература, формировавшая социальную реальность, которая остается пока доминирующей в сознании украинцев.

в) *эпистемологическая проблема*. Соцреализм – это испытание куда более глубокое, чем неприятие или приятие деяний советской власти и советского дискурса в целом. Это приятие или неприятие определенного типа

культуры, ориентированной на идеальное, принятие или неприятие отказа от реальности, от моделирования социальной реальности, моделирования целостного образа реальности, принятие или неприятие идеальности и утопичности.

г) *этическая проблема*. Соцреализм только тем и отличается от других просветительских проектов, что несет в себе необходимость этического выбора для исследователя. Принятие соцреализма в стране, где не произошло люстрации, – это своеобразное соучастие в прошлых репрессиях. Для Украины это значит – арест более 500 писателей, уничтожение всех академических институтов и до сих пор мало исследованный эксперимент по смене национальной идентичности.

Нет оснований утверждать, что соцреализм чужд украинской культуре, так же как говорить о его имманентности русской культуре, на чем настаивал Борис Гройс. Все зависит от тех рецептивных механизмов, которые мы задействуем, и того, что мы хотим увидеть.

Тенденция к определению украинского варианта соцреализма имеет только частичное проявление. Если уж говорить о действительном отличии украинского соцреализма от российского, то, кроме теоретических постулатов, вне внимания исследователей остается целый корпус непрочитанных и неотклассифицированных текстов, недостаточно и пространство компаративных исследований, хотя в последнее время и появились солидные исследования на эту тему [Свербілова, Скорина, 2007; Хархун, 2009].

Литература в просветительской украинской традиции создавала воображаемое государство, формировала представление об идентичности и социальной структуре. Литература соцреализма последовательно реконструировала эту модель. Поэтому так естественно выглядит переход от поисков «практичной» литературы народнического направления (И. Нечуй-Левицкий, Б. Гринченко) сквозь неонародничество селянской организации «Плуг» (С. Пилипенко) к нормативам соцреалистических литературных технологий. В этом есть своя логика, ведь творцы соцреализма были отнюдь не уникальны. Искусство антропологично, и если говорить о его генезисе или эволюции – всегда не имманентно. Примером этому является своеобразный «нацреализм», создаваемый в украинской литературе постсоветского времени, и современная критика, в основании которой лежит не борьба за «имманентность» литературы, а вера в то, что литература исполняет идеологическую функцию формирования культурной идентичности. Литература продолжает исполнять нарративную функцию, моделировать действительность, по сути – быть соцреалистичной, потому что пока

литература будет создаваться «для народа», она предикативно всегда будет «соцреалистичной».

Многие исследователи изучают соцреализм как массовое искусство, адаптируя его под модели западной литературы [Гундорова, 2004; Свєрбілова, Скорина, 2007]. В то же время следует отличать основания, на которых формируется массовая литература Запада и соцреалистическая литература, особенно учитывая цель, функции и циклы развития.

Массовая литература возможна в свободном гражданском обществе, в котором она полифункциональна, ориентирована на конкретную читательскую аудиторию, отвечает ее требованиям и, главное, несет развлекательную, коммерческую и менее всего идеологическую, дидактическую интенции. Поэтому массовая литература характерна для общества полиидеологического, которое создает возможность самозарождения субкультур, это литература децентрированная, чья упорядоченность имеет синергетическое основание. Гранды, спонсоры, издатели – атрибуты литературы технологической, которая не просто претендует на коммерческий успех, а отображает интересы идеологической ангажированности каких-то групп. Для тоталитарной системы характерна литература для масс, в том виде, в каком она и была определена на Первом съезде советских писателей. Литература для масс имеет единое основание – четко контролируемое и управляемое, такая литература при всем своем внешнем разнообразии остается моноцентрической. Ее задание – не ориентация на конкретную категорию читателей, а создание унитарного рецептивного пространства. Она – преимущественно морализаторская, с обязательной расстановкой этических и прочих акцентов. Развлекательный элемент в ней существует только как прием, а не как высокая самоцель.

Но сама тенденция к поиску новых контекстов для литературы соцреализма вызывает теоретико-литературный вопрос: что преобладает в историко-литературной ретроспективе – *реконструкция* или *конструкция*?

Историк литературы не может объять всех фактов и учесть все факторы. Он зачастую работает, пользуясь какой-то определенной теоретической схемой, которую можно опровергнуть при помощи другой теоретической модели. Поэтому литературоведение изначально зиждется на релятивизме.

Литературоведы работают с нашими концептуальными представлениями, постоянно моделируя «реальную» картину соцреализма, создавая конвенциональные значения. Они не могут иметь достоверных фактов. Ведь даже сам художественный материал зачастую не бесспорно фактичен: какую из редакций считать литературным фактом, если в бытовании культуры прижился не оригинал, а цензурированный текст, который «прирос» к автору и к самому представлению его в культуре,

насколько уверенно можно говорить о честности и искренности автора, как соотносить намерения и исполнение и т. д.?

Культуре подвластна адаптационная функция, базированная на интенциональной рефлексии. Она гармонизирует наиболее разрозненные явления человеческой деятельности. Говорить о художественной эволюции и о том, что соцреализм возникает как бы искусственно, нет оснований, даже если утверждать, что действительно существует какая-то общая художественная эволюция, имеющая свои законы развития, даже если это тыняновский конструкт или дарвинистская непреложная истинна железной псевдомарксистской аргументации.

Вопрос о том, что преобладает, остается открытым: ретроспективное исследование объективной правды о соцреализме, в котором отстаивается мнение об искусственности соцреализма (парадокс, что в украинском языке «искусственный» это «штучный», а следовательно «искусственный», исходящий от «искусства»), или, может быть, само искусство «искусственно», и тогда соцреализм на полных правах претендует на этот статус?

Соцреализм все более семиотизируется, становится частью украинской культуры, и его неприятие есть его продолжение: боязнь вырваться за рамки бинарности, боязнь открытого общества, в котором не прошлое втягивает в себя настоящее, а настоящее семиотизирует прошлое, вовлекает его в интерпретационное пространство, дающее возможность моделировать, адаптировать, изживая травму, превращать в игру означающих.

Наконец-то нужно перестать бороться с соцреализмом. Все более отдаляясь, «отстраняясь», он становится просто текстом, который жаждет своего прочтения. Поэтому вопрос лишь в том, что нужно научиться его воспринимать. Для Украины до сих пор важна проблема демилитаризации литературоведческого мышления, принятия игрового статуса искусства. В постсоветскую эпоху до сих пор не определен ни статус литературы, ни статус литературоведа. Литературовед остается госслужащим в академическом учреждении, но при этом – незадействованным госслужащим, практически – атрибутом соцреализма и по функциям, и по пониманию своих профессиональных задач, и по своему мышлению.

Отделить то, что было для нас соцреализмом, от того, как мы его сейчас воспринимаем, практически невозможно. Исследователи достраивают, перестраивают, творят соцреализм, продолжая говорить о нем, наделяют его конвенционными атрибутами и, в конце концов, адаптируют его, чем и сделают неинтересным. Но актуализация и моделирование соцреалистической реальности все-таки связаны с вопросом – для чего? Ведь ценность прошлого утопична! Тогда единственной установкой остается адаптация: главное не то, что мы оставим в прошлом, в забвении, а то *что мы*

сконструуем как прошлое, то есть настоящее. Превращая соцреализм в игру значений, пустых означающих, мы тем самым адаптируем его под наше сегодняшнее сознание и раскрываем контексты для новой литературоведческой интерпретации.

Литература:

1. Гундорова Т. Соцреалізм як масова культура // Сучасність. – 2004. - №6. – С.52–67.
2. Гундорова Т. Соцреалізм?: між модернізмом і авангардом // Слово і час. – 2008. – №4. – С.14–21.
3. Ковалів Ю. «Соцреалізм» – глухий кут історії літератури / Слово і час. – 2009. – №4 (580). – С. 27–42.
4. Павлишин М. Канон та іконостас: Літературно-критичні статті. – Київ: Час, 1997. – 447 с.
5. Свербілова Т., Скорина Л. Українська драма 30-х рр. ХХ ст. як модель масової культури та історія драматургії у постатях. – Черкаси, 2007. – 384 с.
6. Семіосфера радянської культури: знаки і значення: Вип. 2. – Київ-Ніжин, 2011. – 288 с.
7. Соціалістичний реалізм: міфи і реальність // Філософ. і соціол. Думка. – 1995. – № 7–8. – С.31–56.
8. Хархун В. Рецепция коммунизма и современный украинский идентификационный проект // Труды «Русской антропологической школы»: Вып. 7. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2010. – С. 110–123.
9. Хархун В. Соцреалістичний канон в українській літературі: генеза, розвиток, модифікації: монографія. – Ніжин: ТОВ «Гідромакс», 2009. – 508 с.